

„НЕВЗИРЯ НА ЛИЦА“

(Первый Рабочий Театр Пролеткульта)

Первый Рабочий Театр Пролеткульта, подарил молодым и свежим спектаклем. Памфлетан Вл. Понсмарева «Невзирая на лица». В композиции спектакля заметно влияние ленинградского ТРАМ'а. И это не плохо. Организации родственные. И как раз там, где это влияние сильнее, в первой половине спектакля — и впечатление острей и спеннический при-

Маруся—т. Славинская, Тенев—т. Курбатов (Сцена IV акта). Слева сцена II акта.

ем изобретательней. Во второй половине пьесы чувствуется несомненная перегруженность, затяжка, замедление темпа. А четвертый акт — уже просто слабо. Здесь автор начинает тэпаться на месте, повторять, срывать то в символику, то в психологическую надрывность. Сверкающие символ-очи, обращение к публике в своем характере и подаче навеличное гоголевским «над кем смеетесь» и ми. др. Молодой и несомненно способный автор, отлично развернувший три акта не выдержал груза четвертого. Пожалуй, для памфлета четыре акта и вообще-то много. Самый жанр памфлета требует ударности, не терпит тяжеловесности, а четвертый акт определенно тяжелит. Его можно отлично свести о третьим в один.

Тема «Невзирая на лица» — легкая кавалерия. Фабула — раскрытие гнойника в Универмаге. Идеологически можно упрекнуть автора в некоторой схематичности противопоставления «молодых» и «стариков». У молодых все стопроцентно хорошо, а у стариков все в таком-же проценте обратное. Может быть и театру здесь нужно положить некоторую ретушь, в гримах смягчить этот оголенно выпяченный возрастной принцип. Вообще театру еще есть в спектакле над чем поработать, сократить, кой-что убрать.

Но в целом «Невзирая на лица» — определенная победа Пролеткульта. Театр вырос и окреп в техническом умении. И, видимо, именно трамбовский метод во многом помог ему, развязал. Увел от традиций старого профессионализма, которые, увы, до сих пор упорно давали себя знать в спектаклях Пролеткульта. В частности, много помогает музыка, построенная фразами и музыкальными интермедиями, не иллюстрирующими, а органически влетающими

ся в текст и сценическое положение. Дать гротеск, юмор в музыке, — здесь, если хотите, музыкальный памфлет, — очень трудная задача. И эту трудность отлично, просто и эмоционально преодолел тов. Голубенцов. Некоторые моменты ни дать ни взять музыкальный «Крокодил» или «Чудак» (например музыкальная пародия на «Бориса Годунова», сценка мещанского «растворения в воздухе» и др.). Только в последнем акте, вместе со всем спектаклем, и Голубенцов ударился в ненужное «пугалье», в психологизм и тем самым снизил «качество».

Отлично развернул действие молодой режиссер Трусков, — дал гротеск, дал динамику, дал четкую «точку арсения». И на приемах актерской игры в спектакле многое по-новому, от Трама. Иногда, впрочем, подражательность ленинградскому Траму идет от внешнего, и не разворачивает образа в глубину. Этот упрек нужно сделать способному Курбатову в роли Тенева. Он имитирует и поэтому часто не сливает жеста с эмоцией, механизмирует его. Идет не от себя. К чему? А вот рядом с ним Славинская (Маруся-комсомолка) берет именно целостностью своей искренности, простотой от себя. Очень выразителен и все время в темпе Кочин в роли зава мануфактурным отделением — одна из наиболее удавшихся фигур спектакля. И, наоборот, подчас теряет темп, затягивает Ханов — зав. универмагом. Оттягивает жанровую фигуру главного бухгалтера дает Юдин — быть может в общем плане спектакля несколько облагодушенную, излишне мягкую.

Можно назвать еще и других, но дело не в этом. Гораздо важнее указать, что театр Пролеткульта в целом как будто нашел себя в этом спектакле. Нашел стиль, прием. И должен в дальнейшем не сходиться с него, а развивать и совершенствовать.

ЭМ. БЕСКИН,